

Отметим, что автор сознательно не уделил большого внимания разбору подробностей Куликовской битвы, прекрасно изученной в отечественной историографии. Между тем, по его мнению, военнопатриотический ореол, сформировавшийся вокруг Дмитрия Донского в российской исторической традиции, затмил другие, более важные достижения московского князя.

К спорным моментам работы можно отнести некоторые выводы Борисова относительно мотивации действий исторических личностей. Так, его предположение о желании тверского князя Михаила создать вместе с Москвой антиордынскую коалицию не подтверждается прямыми данными источников. Видимо, историко-биографический жанр вынудил автора в условиях скудости источниковой базы прибегнуть к некоторым допущениям в конструировании образа героя книги и его современников. При опоре на летописный текст многое пришлось домысливать, в результате исследование и сам образ глав-

ного героя получили явный отпечаток авторской тактовки событий.

Подводя итог, Борисов рассказал о двух политических стратегиях, созданных Дмитрием Ивановичем, благодаря которым он надолго опередил своё время: военной (наступление на степь) и идейной (провозглашение себя царём, с. 481–482). Обе, по мнению автора, были востребованы только столетие спустя – в годы правления Василия III и Ивана Грозного. Именно тогда «Мамаево побоище» стало, как указал Борисов, золотой легендой русского средневековья, идеологическим обоснованием борьбы со степными государствами, возникшими после распада Золотой Орды.

Книга Н.С. Борисова, без сомнения, вносит весомый вклад в изучение русской истории второй половины XIV в. в целом и фигуры Дмитрия Донского в частности, раскрывает многие аспекты внешней и внутренней политики Московского княжества, а также продолжает традицию создания живых портретов крупнейших русских исторических деятелей.

Дмитрий Павлов

Рец. на: С.М. Шахрай, К.П. Краковский. «Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех». К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 536 с., ил.

Dmitriy Pavlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: S.M. Shakhrai, K.P. Krakovskiy. «Sud skoryy, pravyy, milostivyy i ravnyy dlya vseh». K 150-letiyu Sudebnoy reformy v Rossii. Moscow, 2014

В отличие от других реформ царствования Александра II, отечественные историки до сих пор уделяли сравнительно мало внимания анализу появления и функционирования в России новой судебной системы. Если не считать мемуарно-публицистических работ современников тех событий, по выражению А.Ф. Кони, «отцов и детей» этой реформы, она получила лишь общую характеристику в сочинениях П.А. Зайончковского и некоторых из его учеников. Из числа отдельных судеб-

ных установлений, созданных в 1864 г., предметом специального анализа стала лишь мировая юстиция. Имеются труды, посвящённые суду присяжных, российским прокуратуре и адвокатуре, подготовке кадров для органов правосудия в пореформенный период. Но судебную реформу 1864 г. до сих пор изучали преимущественно правоведы.

Рецензируемую книгу от публикаций такого рода выгодно отличает, во-первых, обстоятельный и профессионально вы-

полненный историографический обзор. Перспективы дальнейших исследований С.М. Шахрай и К.П. Краковский усматривают в первую очередь в сравнительном изучении российских судебных институтов образца 1864 г. и последующих лет, вплоть до сегодняшнего дня, в том числе в условиях нового раунда преобразований судебной системы, старт которому был дан в 2013 г. Стремление взглянуть на судебные уставы 1864 г. с позиций сегодняшнего дня (причём не в ущерб принципу историзма), оценить их с точки зрения потребностей современной России выступает идейным камертоном всей представляемой работы. Такой подход делает монографию Шахрая и Краковского остро актуальной, что, как мне кажется, следует приветствовать, тем более что авторы книги – авторитетные, активно действующие профессиональные правоведы, хорошо знакомые с состоянием и проблемами современной российской судебной системы.

Кроме того, от работ коллег и предшественников сочинение Шахрая и Краковского отличается широкое привлечение материалов РГИА, ГА РФ, РГВИА, ОР РНБ и других крупнейших отечественных документальных собраний, а также публицистики и мемуарной литературы. Причём свои историографические наблюдения авторы книги вплетают в историческую ткань, не стремясь обходить при этом острые проблемы, включая дискуссионные. Так, говоря о советской историографии судебной реформы Александра II, они резонно отмечают, что «в СССР в первые десятилетия уголовный процесс носил преимущественно обвинительный, а не состязательный характер и в целом был менее справедливым и менее гуманным, чем царское правосудие, которое строже соблюдало принцип презумпции невиновности» (с. 25). Аргументированной критике авторы подвергают утверждения современной украинской историографии, которая, отстаивая тезис об «Украине под имперской оккупацией» (это цитата), постулирует урезанный, а по сути дискриминационный характер судебной реформы 1864 г. на территории современной Украины.

Затронута в книге и делящая уже

много лет дискуссия относительно характера судебных преобразований царствования Александра II – можно ли их считать контрреформой или нет. В этой связи интересна попытка авторов сформулировать дефиницию самого понятия «контрреформа» в данной сфере. Шахрай и Краковский видят её главный признак в «системном характере мер, направленных на достижение целей, противоположных юридизации правосудия», понимая под последней судебную власть без вторжения в неё власти исполнительной. Ключевое слово в приведённом рассуждении – «системность» упомянутых мер. Судебная контрреформа, с точки зрения авторов, в конце XIX в. действительно имела место, но её наиболее ярким олицетворением в практической сфере они считают «щегловитовскую юстицию», действовавшую, как ни парадоксально, параллельно с попыткой восстановить в последние годы царствования Николая II судебные стандарты 1864 г.

«Конституционный потенциал» созданного реформой 1864 г. суда был вполне осознан современниками и широко ими комментировался. В судебной реформе многие из них увидели не только способ усовершенствовать решение гражданских и уголовных дел, но и залог перестройки всего государственного организма, «исходную точку целого арсенала конституционных порядков». Не случайно сам термин «судебная власть» впервые появился в российском законодательстве именно в 1864 г. Новацией авторов книги является стремление проследить «бытование» идеалов и основополагающих принципов 1864 г. на протяжении последующих полутора веков.

К недостаткам работы я бы отнёс отсутствие каких-либо указателей и несколько «лозунговое» наименование её отдельных разделов. При последующих переизданиях книги – а они, несомненно, будут – следует позаботиться и о ликвидации опечаток, пока, к сожалению, многочисленных.

В целом, как мне кажется, есть все основания констатировать, что книга С.М. Шахрая и К.П. Краковского состоялась, причём не только в качестве самостоятельной, профессионально выполненной

научной работы с ясно сформулированной и серьёзно аргументированной авторской позицией, но и как весьма актуальное, своевременное историко-правоведческое исследование. Вне сомнений, оно будет востребовано и в студенческой аудитории, и в научном, в том числе историческом, сообществе.

15 января 2015 г. состоялась презентация этой книги на расширенном заседании Учёного совета Института российской истории РАН. В своих выступлениях её авторы выделили главные особенности судебной реформы 1864 г.: во-первых, благодаря ей в России стали складываться элементы конституционализма, во-вторых, появление нового суда оживило общегосударственное законотворчество и, в-третьих, судебные установления середины XIX в. оказывают влияние на совершенствование современной российской судебной системы. Поэтому не случайно, что книга к 150-летию судебной реформы написана в соответствии с планом при-

оритетных исследований Российского исторического общества.

Другие выступающие отметили злободневность проблематики рецензируемой книги (по мнению Ю.А. Петрова, в судебных уставах 1864 г. оказался «сформулирован тот идеал, к которому и сегодня стремится наша страна»), противоречие вновь введённых судебных норм традиционному народному правосознанию (Г.Н. Ульянова), не вполне системный характер судебной реформы (А.П. Корелин), правомерность термина «контрреформа» применительно к судебным нововведениям последующего царствования (Л.Ф. Писарькова), необходимость разработки проблематики церковного суда (В.П. Булдаков). В заключительном слове директор ИРИ РАН призвал вернуться к более тесному взаимодействию «гражданских» историков с коллегами-правоведами – к утраченной ныне практике, которая, однако, «в своё время дала прекрасные образцы научной литературы».

Дмитрий Рублев

Цареубийцы и их суды*

Dmitriy Rublev

(K.A. Timiriachev Russian State Agrarian University)

The regicides and their judges

События марта 1881 г., связанные с гибелью Александра II, освещены во многих исследованиях и документальных публикациях. Между тем материалы следствия и суда над цареубийцами до сих пор не были изданы в полном объёме. К примеру, стенографические отчёты процесса «первомартовцев» цитировались преимущественно по публикации в «Правительственном вестнике», где они появлялись в значительно искажённом цензурой виде.

Первый том, открывающий задуманную В.В. Разбегаевым многотомную публикацию документов, связанных с убийством Александра II, включает первое полное издание стенограмм заседаний Особого присутствия Правительствующего Сената (ОППС) 26–30 марта 1881 г. В основу публикации положены гранки номеров «Правительственного вестника», содержавшие стенографический отчёт о процессе. Имеющиеся в них пробелы дополнены по опубликованным в газете тек-

* Суд над цареубийцами. Т. I: Заседания Особого Присутствия Правительствующего Сената 26–29 марта 1881 года. Стенографический отчёт. Первое критическое издание. ЛП+290+хviii с., ил.; Т. II: Показания и прочие документы подсудимых. Показания свидетелей. VI+264+хviii с., ил. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова; Изд. дом «Галина скрипсит», 2014. (Историко-революционный архив. Вып. 2. Т. I–II).